Л.В.Дмитренко

Установки и реальное языковое поведение молодежи в республиках Российской Федерации (на примере Татарстана и Северной Осетии)

В период национального возрождения этносов язык приобретает значение базовой этнической ценности, находящейся в центре культурных, а часто и политических интересов народов. Его статус в системе этнических ценностей при осознании национальных интересов, связанных с ним, возрастает до уровня этнического символа, символа этнической преемственности и уже может иметь обратное влияние на самосознание.[1]

На базе того, что язык наделяется личной ценностью и становится этноопределителем, помогающим идентифицировать себя с членами своей этнической общности, формируется ряд установок, которые выражают оценочное отношение человека к собственной группе, к другим национальным группам, а также отношение к ряду ключевых для данной культуры сфер действительности, имеющих глубокие традиционные этнокультурные корни и смысл. Установки формируют стиль отношения человека к ситуации с ярко выраженным этническим контекстом и создают психологическую базу

для соответствующего поведения в этнонапряженной ситуации.[2]

Установка может не быть адекватной поведению в конкретной ситуации, но вполне соответствовать ориентации личности в целом. По одной установке нельзя судить о национальных, языковых ориентациях человека вообще. Только согласованность между собой установок может расцениваться как свидетельство вхождения их в национальные ориентации в целом.

Изменения в установках и в реальном поведении мы и попытаемся проследить в нашем исследовании. При этом мы учитываем, что достаточно часто между установками и реальным поведением существует дистанция, которая может изменяться в зависимости от обстоятельств.

В 1960-1980-е годы интенсивное приобщение нерусских народов, в том числе и титульных этносов автономных республик, к русскому языку и культуре, естественно, не стимулировало русских к освоению языков и культур этих народов. Вхождению русских в иноэтничную культуру и язык была присуща ситуативность и поверхностность.[3]

Это определялось несколькими обстоятельствами. Во-первых, существует принципиальное отличие между национально-русским и русско-национальным двуязычием. Суть его состоит в том, что в едином языке межнационального общения были заинтересованы все этносы России. Совсем иначе складывается потребность русских в знании второго языка. Как правило, эта потребность носит локальный характер и предопределяется в каждом конкретном случае этноязыковой ситуацией той республики, в которой проживают сами русские. И здесь кроется одна из самых серьезных трудностей по оперативному управлению тенденциями этноязыковых процессов среди групп русского населения.[4]

Немаловажную роль играет и степень этноязыкового родства, так называемое "стыковое национально-языковое пограничье", которое определяется сосуществованием разных этноязыковых групп.

В нашем случае русские соседствуют с различающимися этноязыковыми и этнокультурными группами, освоение и та-

тарского, и осетинского языков представляли и представляют для них сложность и психологического, и лингвистического характера, поэтому решающим стимулом является осознаваемая потребность части русского населения в овладении вторым языком. В какой мере они ощущают потребность знать языки титульных национальностей и в какой мере они реализуют свою потребность?

Распространение второго языка среди русского населения и формирование на этой основе русско-национального двуязычия происходили под влиянием разнообразных факторов. Исключительное место среди всех факторов по степени воздействия на распространение двуязычия занимает этническая микросреда. Действие окружающей среды на овладение языком другого народа особенно велико в раннем возрасте. Первая группа факторов - коммуникативная - (к ним можно отнести все формы межнациональных общений на личностном уровне) воздействовала на овладение вторым языком совершенно естественным, стихийным путем. Способ усвоения второго языка под их воздействием является традиционным или стихийно-коммуникативным.

Вторая группа факторов связана, как правило, с системой образования.[5] Их влияние устойчиво, но может быть не столь эффективно, как стихийно-коммуникативных, особенно среди русского населения, где "вклад" первых факторов был более существенным. С другой стороны, именно через систему организованного обучения шло приобщение титульных этносов к русскому языку.

Согласно переписям населения разных лет, русские чаще осетин и татар признают родным язык, совпадающий с их национальностью. Почти 100% русских признают родным язык своей национальности.

Что касается знания русскими языков титульных национальностей, то данные переписи населения 1989 г. зафиксировали следующие результаты: 1,5% русского населения в Северной Осетии

владело осетинским как вторым языком, в молодежной группе этот процент составлял 1,8; татарским языком как

вторым владело 1,1% русского населения, а среди молодежи - 1%.

В 1994 г. на вопрос анкеты "Каким языком Вы свободно владеете?", мы получили следующие ответы. В Северной Осетии 97,4% русской молодежи свободно владело русским языком, 2,6% - обоими (русским и осетинским), только осетинским языком не владел никто. В Татарстане 98,9% владело только русским языком, двумя (татарским и русским) и только татарским не владел никто.

Среди молодежи титульной национальности наблюдается большое распространение русского языка, язык только своей национальности употребляют значительно меньше, чем русский, или оба языка. В Татарстане только татарским языком свободно владело 23,3%, русским - 39,7%, обоими языками 37,1%.

Использование только осетинского языка среди молодых осетинских городских респондентов минимально. Только осетинским языком свободно владеет 4,5% титульной молодежи, только русским - 24,3%, в основном опрошенные респонденты пользуются обоими языками - 71,2%.

По данным переписей видно, что за десятилетие почти на 10% увеличилось число людей среди титульных национальностей, считающих язык своей национальности родным, в то же время увеличилось и число лиц, владеющих русским языком, как вторым, и особенно это явно у молодежи.[6]

Среди причин перехода на инонациональный язык у осетин и татар республик можно назвать следующие: 1. преимущественное обу-чение на русском языке привело к утрате родного языка уже через 2-3 поколения. 2. Как одну из причин, можно назвать распространение в республиках межнациональных браков, где часто супруги и дети титульных национальностей признают родным русский язык. 3. Нельзя не учитывать и такие объективные факторы активного распространения и функционирования русского языка, как политико-экономические причины, межреспубликанские связи, которые, естественно, осуществляются на русском языке.

Видимо и политика интернационализации способствовала падению престижа языка и культуры титульных народов. Не-

смотря на то, что по данным последней (1989 г.) переписи населения, 96,6% татар, например, назвали родным язык своей национальности, реально используют его в качестве основного или второго языка только 48,3%.

Желание и возможность идентифицироваться с представителями обеих языковых групп не обязательно корелирует с действительным языковым опытом. Двуязычная идентификация и владение двумя языками представляют собой два различных феномена.

В них проявились такие положительные тенденции, как отсутствие нигилизма по отношению к инонациональным языкам, формирование положительных установок на овладение инонациональных языком.[7]

Исследование показало, что пока прежняя система детерминации языковых характеристик на массовом уровне осталась достаточно инерционной и не подверглась заметному изменению. Повседневная практическая потребность оказывается более весомым фактором, чем нововведения в сфере языкового законодательства. Тем более, что существует дополнительная сложность в обучении титульному языку - практическая потребность в нем пока невелика, и это сказывается на результатах. Например, обучение в ВУЗах идет в республиках, в основном, на русском языке.

Таким образом можно предположить, что активные административные меры, направленные на то, чтобы переломить тенденции в языковом поведении, в настоящий момент скорее осложняют межнациональные отношения, нежели существенно меняют направленность языковых процессов.[8]

Изучение языка титульных этносов необходимо, но нельзя заставить человека выучить иной язык, а надо дать ему почувствовать вкус к языку, основанный на реальных языковых потребностях и престиже этого языка, чтобы он сам стремился к его изучению во избежание национальной ограниченности. Необходимо искать дополнительную психологическую мотивацию для стимулирования интереса к овладению титульными языками. Наиболее значимыми аргументами в пользу владения титульными языками, как нам кажется, выступает их будущая значимость в социальной сфере, и соот-

ветственно, в процессе социального продвижения, а также более комфортные культурно-бытовые взаимоотношения с титульными этносами.

В разговорной практике использование языков и русскими, и титульными этносами остались практически без изменения, по сравнению с прошлыми годами. Русские и на работе, и дома используют русский язык. В Северной Осетии опрошенные русские на работе говорили только на русском языке; в домашнем общении подавляющее большинство общалось на русском и только 1,3% - на обоих языках. В Татарстане - в домашнем общении преобладал русский, на производстве практически все респонденты употребляли русский язык и лишь 1,1% - оба - и татарский, и русский.

Среди титульных этносов в городской производственной сфере употребление русского языка проявляется шире, чем в сфере семейно-бытовых контактов. Границы взаимодействия титульного и русского языков в трудовых коллективах значительно сдвинуты в сторону более плотной функциональной нагрузки русского языка. Более половины осетин и татар на работе пользуются русским языком. На двух языках на работе говорят 39,8% осетин и 25,9% татар.

В домашнем общении осетинская молодежь практически в равной степени использовала либо родной язык, либо два языка одновременно - и осетинский и русский. Только на русском дома разговаривало 1/4 опрошенных.

Татарская молодежь в равной мере использовала и русский, и татарский языки; на том и на другом дома говорила треть опрошенных респондентов.

Речевое поведение во всех сферах жизни обусловливается, главным образом, языком обучения, а соответственно и чаще используемым языком общения. В Татарстане русские обучались только в русских школах (100%), в Осетии основная масса заканчивали русскую школу (97,4%), и небольшой процент (по 1,3%) учились в осетинской и в смешанном типе школ.

У титульных этносов картина несколько отличалась. Процент окончивших русские школы и у осетин, и у татар тоже очень высок (73% и 71% соответственно). Среди татарской

молодежи большая доля людей окончила школу на родном языке (19,8%). Видимо, в основном, это мигранты из сел республики, которые посещали национальную школу. В отличии от татар, осетины чаще обучались в национально-русских школах, 24,3% заканчивали осетино-русские школы.

Одной из наиболее наглядных сфер языкового взаимодействия являются средства массовой коммуникации, и в частности периодическая литература.

Основным языком чтения газет у русских является, естественно, русский язык. В Северной Осетии молодежь читает только на нем. В Татарстане лишь 1,1% читает на обоих языках.

В связи с изменившейся этнополитической и этнокультурной ситуацией, направленной на решение проблем титульного этноса, существенно изменилась установка на овладение титульным языком со стороны представителей русской национальности, которую можно оценить в целом как консенсную. Это подтвердили и данные последней переписи населения по молодежным группам.

Русские все чаще осознают необходимость более широкого приобщения, прежде всего к языку и в известной мере к культуре титульного населения. Однако это осознание в силу многих объективных и субъективных причин, о которых мы писали выше, пока сравнительно слабо связано с практической деятельностью по освоению языков и культур титульных народов.

Выявить установку на изучение языка титульной национальности нам помогал прогностический вопрос программы интервью о желательном языке обучения для детей. Предполагалось, что на детей переносились уже осознанные родителями как необходимые перемены в культурно-языковой сфере. Общая ориентированность русских респондентов на изучение детьми языков титульных национальностей была достаточно высока.

Концепция национально-русского двуязычия в сфере языка школьного обучения в Татарстане имела больше приверженцев, чем в Осетии. Большая доля опрошенных русских в Татарстане (68%) выразили желание обучать своих детей на

татарском языке, в Осетии этой позиции придерживалось 48% родителей.

Среди титульных этносов распределение между желательными языками обучения для детей были примерно одинаковы: 87% осетин и 88% татар хотели бы, чтобы их дети изучали титульный язык и примерно столько же (82%) осетин и (85,3%) татар предпочли русский язык, в качестве основного языка обучения.

Нам кажется, что это положительный симптом, свидетельствующий о понимании молодыми людьми необходимости и перспективности взаимодействия культур и языков соседствующих друг с другом этносов. Использование этих языков их детьми дает больше возможностей для интеграции в данном обществе, и в какой-то степени безконфликтном сосуществовании.

Реальное распределение детей по школам с национальным и русским языками обучения был далек от установочных ориентаций и высказываемых потребностей русских и титульных этносов. В действительности, только 10% детей из татарских семей из числа опрошенных обучались на родном языке. 12,5% русских детей ходят в национально-русскую школу.

В Осетии дети русских респондентов учатся только в русских школах. Естественно, до сих пор русская школа несет основную нагрузку в процессе обучения, поскольку переход к национальной и смешанной школе требует длительного времени для подготовки педагогических кадров и больших материальных затрат. К тому же необходимо осознавать, что организация школьного образования на родном языке не может полностью влиять на степень сохранения народом своей культурно-языковой идентичности, которая, в основном, воспроизводится на семейно-бытовом уровне.

Но желание более широкого приобщения и овладения вторым языком на личностном уровне не вызывает автоматического положительного отношения к вопросу о придании титульному языку статуса государственного.

Во время опроса в 1994 г. 89,6% в группе русской молодежи в Северной Осетии и 87,4% в Татарстане не одобряли

идею придания языку титульного народа государственного статуса. Но надо сказать, что и среди титульных этносов всего 16,2% осетин и 8,6% татар предпочли рассматривать титульный язык в качестве единственного государственного языка.

В Северной Осетии, несмотря на большую распространенность в речевой практике русского языка, установка на государственный национальный язык была более выраженной, чем в Татарстане.

Усугубляет негативное отношение к этому акту и то, что изменения в статусе языка отражают происшедшие в этническом сознании изменения в оценке и самооценке престижа, статуса и притязаний,в основном, титульной этнической группы населения в рамках полиэтнического образования.[9]

К тому же государственный язык связывает пройденный этап с последующими процессами: введения статуса гражданства, расстановки национальных кадров, осуществляемой, главным образом, не по принципу уровня комптенции работника, а руководствуясь фактом его национальной принадлежности".[10]

Но в реальности слабость позиций национального языка, минимальные и отложенные во времени требования к овладению национальным языком русскоязычным населением не воспринимаются последними как ценностный конфликт и не вызывают пока массового опасения оказаться в подчиненном положении. Немаловажным фактором низкой конфликтности являются и сроки введения квалификационных языковых требований для них, которые стали более гибкими и длительными, чем в ряде языковых законодательств бывших союзных республик.

При отсутствии принуждения большинство русскоязычного населения проявляет позитивные установки в отношении изучения языка титульной национальности республики. Важным стимулом для овладения языком титульной национальности для русских в ближайшие годы станет необходимость знания этого языка для возможности получения работы в ряде престижных сфер.[11]

Постепенное возрастание удельного веса русской молодежи, имеющей положительную установку и ориентации на овладение языком титульности национальности, позволяет сделать вывод о возможном расширении масштабов русско-национального двуязычия. Вместе с естественной сменой поколений последовательно будут расширяться и масштабы русско-национального двуязычия среди русского населения республик в целом.

Разрешение обрисованного противоречия в культурно-языковой адаптации русских будет более успешным и реальным на пути организованного обучения русской молодежи в школах, вузах.

Но, естественно, русский язык и русская культура остаются и будут оставаться важнейшими факторами этнической идентичности русских и сколько-нибудь заметной языковой и культурной ассимиляции их со стороны титульных этносов, как показывают и результаты опросов, не произойдет.

Тем более, что роль русского языка не изменится и для титульных этносов по нескольким причинам. Во-первых, потому, что русский язык - это связь с богатой русской культурой, во-вторых, из-за большой функциональной нагрузки русского языка во вновь расширяющемся экономическом поле внутри России и, в известной мере, за ее пределами.

Таблица 1

Родной язык и владение вторым языком у основных национальностей
Северной Осетии и Татарстана в 1979 и 1989 г.

Национальность	1979 г.		1989 г.		Молодежь 1989 г.	
	считают родным язык своей	из общего числа лиц владе-	считают родным язык своей	из общего числа лиц владе-	считают родным язык своей	из общего числа лиц владе-

	нацио-наль-ности	ют вторым языком*	нацио-наль-ности	ют вторым языком	нацио-наль-ности	ют вторым языком
Северная Осетия						
осетины	88,2	64,9	98,2	86,9	97,4	96,4
русские			99,9	1,5	99,9	1,8
Татарстан						
татары	85,9	68,9	96,6	77,3	95,5	93,9
русские			99,9	1,1	99,9	1,0

* Для русских - язык титульных национальностей, для титульных этносов - русский язык

Таблица 2

Язык общения на производстве и дома (% от опрошенных)

Язык общения	Осетия				Татарстан			
	Русские		Осетины		Русские		Татары	
	на ра-боте	дома	на ра-боте	до-ма	на ра-боте	до-ма	на ра-боте	до-ма
Титульный (осетин-ский/татарский)	0	0	8,0	39,6	0	0	6,9	32,8
Русский	98,7	97,4	53,4	23,4	93,1	100	57,8	34,5
Оба (русский и ти-тульный)	0	1,3	39,8	36,9	1,1	0	25,9	31,9

[1] Аклаев А.Р. Язык в системе национальных ценностей и интересов // Духовная культура и этническое самосознание наций. Вып.1. М., 1990. С.34.

[2] Лебедева Н.М. Эмпирическое исследование психологической адаптации группы к иной природной среде (на примере русских старожилов Закавказья) // Духовная культура и этническое самосознание наций. Вып.1. М., 1990. С.111.

[3] Русские в новом зарубежье. Программа этносоциологических исследований. Отв.ред. С.С.Савоскул. М., 1994. С.8.

[4] Русские. Этносоциологические очерки. М., 1992. С.298.

[5] Русские. Этносоциологические очерки... С.303.

[6] См.: Всесоюзная перепись населения 1979 г. Сб.статей. М., 1984. С.152; Национальный состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991. С.38; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Табл.32с. Распределение населения по возрасту, родному языку и второму языку народов СССР. М., 1989. С.44-47, 52-55.

[7] Столярова Г. Межэтнические семьи в Татарстане // Язык и национализм. М. 1994. С.179-182.

[8] Гузенкова Т.С., Коростелев А.Д. Этнополитическая ситуация и межнациональные отношения в республиках Российской Федерации. Информационный бюллетень. Вып.4. Этнокультурая ситуация в республиках Российской Федерации. Отв.ред. Л.М.Дробижева. М.,1994.С.6.

[9] Catril J. The Phsychology of Social Movements.New York, 1975.P.46// Цит. по Аклаеву А.Р. Язык в системе национальных ценностей... С.34.

[10] Сафин Ф. Языковой аспект суверенизации Башкортостана // Язык и национализм в постсоветских республиках. М., 1994 С.143.

[11] Аклаев А.Р. Законодательство о языках и межэтнические конфликты в республиках Российской Федерации // Конфликтная этничность и этнические конфликты. М., 1994. С.37.